

ЭТНОГРАФЫ И АНТРОПОЛОГИ НА VI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ФИННО-УГРОВЕДОВ

Очередной VI Международный конгресс финно-угроведов состоялся 24—30 июля 1985 г. в Советском Союзе, в столице Коми АССР г. Сыктывкаре. Как всегда, наряду с филологами (языковедами, фольклористами, литературоведами) в нем участвовали и специалисты в области исторических наук, в первую очередь этнографы, археологи и антропологи, составившие примерно треть всех участников. На конгрессе присутствовало 736 человек, в том числе 300 зарубежных ученых, преимущественно из Финляндии и Венгрии, а также из других стран Европы и Америки.

На пленарном заседании состоялся один этнографический доклад «Современные этнокультурные процессы у народов финно-угорской языковой семьи в СССР», подготовленный Ю. В. Бромлеем, В. В. Пименовым и Н. В. Шлыгиной (все — СССР). В нем была подчеркнута необходимость исторического и регионального подхода к изучению культур финно-угорских народов. Отмечалось также, что в пределах отдельных регионов — в Прибалтике, Урало-Поволжье, на Европейском Севере, в Западной Сибири — этнокультурные процессы в наши дни протекают однотипно у живущих там финно-угорских и соседних с ними народов иной лингвистической принадлежности. В то же время у народов финно-угорской языковой семьи, расселенных в различных регионах, этнокультурные процессы существенно различаются.

Этнографы и антропологи приняли участие также в межсекционном заседании «Этногенез пермских народов», в программу которого среди прочих были включены доклады Л. Н. Жеребцова и Э. А. Савельевой «Этногенез и этническая история коми-зырян» и К. Ю. Марк «Этногенез пермских народов по данным антропологии» (все — СССР). Комплексное обсуждение проблемы этногенеза пермских народов, проведенное при участии как лингвистов, так и историков, несомненно, имело положительный результат, что показала развернувшаяся широкая дискуссия, в частности, об автохтонности пермских финнов в бассейнах Вычегды и Вятки; датировке распада пермской общности на пракоми и праудмуртов; времени формирования трех самостоятельных этносов — коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского. Данные антропологии показали определенную антропологическую общность этих этносов, а также их некоторое отличие от остальных финно-угорских народов.

Дальнейшую работу антропологи и археологи вели совместно (V секция) как на общих заседаниях, так и на нескольких региональных подсекциях. Антропологи представили 17 докладов. Среди них были обобщающие (посвященные анализу всех или почти всех финно-угорских народов) или связанные либо с одним регионом, либо с одним этносом. Следует отметить, что антропологи широко использовали материалы совместных советско-финляндских экспедиций (1967—1983 гг.), работающих по линии сотрудничества между СССР и Финляндией. Доктор П. Кайанойя (Финляндия), возглавляющий финляндскую часть Рабочей группы по сотрудничеству в области антропологии и этнографии, выступил с докладом, посвященным сравнительному анализу материалов по прибалтийским финнам, саамам, мари, коми, башкирам и уточняющим взаимное таксономическое положение изученных групп. Материалы советско-финляндских экспедиций были использованы также в ряде советских докладов (А. А. Зубов, Г. В. Рыкушина, Г. Л. Хить, Г. А. Аксянова, Х. С. Рафиков, Л. Хеапост).

Значительное внимание было уделено антропологами саамской проблеме. Ей были посвящены доклады советских ученых — А. А. Зубова «Место саамов в антропологической систематике финно-угорских народов», Г. А. Аксяновой «О саамском антропологическом субстрате в европейских полярных регионах», Ю. Д. Беневолен-

ской «Расовая дифференциация народов финно-скандинавского региона по некоторым пропорциям мозгового черепа в связи с проблемой происхождения саамов». Докладчики подчеркивали своеобразие антропологического типа саамов и наличие в его составе монголоидного компонента. По одним данным (одонтология, дерматоглифика), у саамов отмечается значительное различие локальных групп, по другим (затылочнотемной индекс, по данным Ю. Д. Беневоленской) — определенное единство типа. Обсуждался вопрос о возможном влиянии саамского субстрата на самодийские народы. Доклад Г. А. Аксяновой дает скорее отрицательный ответ на этот вопрос. Зато очевидны следы влияния саамского субстрата на соседние прибалтийско-финские группы на северо-востоке Финляндии (материалы А. А. Зубова). Г. Л. Хитъ высказала убеждение в необходимости дальнейшего исследования саамов как одного из самых загадочных народов финно-угорской языковой группы. VI Конгресс финно-угроведов показал большой интерес антропологов к саамской проблеме, ее актуальность и необходимость собирания новых материалов.

О широком и плодотворном использовании антропологами краниологических материалов говорит тот факт, что шесть докладов советских ученых были основаны на анализе черепных серий: Р. Я. Денисовой («Генезис европеоидного компонента в составе прибалтийских финнов»), В. А. Дремова и А. Р. Кима («Южные связи обских угров и самодийцев по данным антропологии»), Р. М. Юсупова («К взаимодействию финнов и тюрков Приуралья по данным краниологии башкир»), В. И. Хартановича («Краниология карел и происхождение прибалтийских финнов») и один — из ВНР Э. Кинг («Тенденция выбора места поселения по краниологическим данным»). К этой группе можно отнести упомянутый доклад Ю. Д. Беневоленской.

На конгрессе четко проявилось стремление антропологов шире использовать разные системы признаков. Так, доклад Г. Л. Хитъ, посвященный разностороннему сравнительному анализу таксономических взаимоотношений финно-угорских народов, базировался на данных дерматоглифики, Г. В. Рыкушина построила аналогичный таксономический анализ на одонтологическом материале. Одонтология широко использована также в докладах Т. Тота (ВНР), А. А. Зубова и Г. А. Аксяновой.

Антропологов на VI Международном конгрессе финно-угроведов было немного, при этом главным образом это были советские специалисты (зарубежных антропологов было только трое), но их работа показала, что антропология способна внести весьма ценный вклад в разработку проблем этногенеза финно-угорских народов, выявила наиболее актуальные задачи исследований в этом направлении.

Этнографы работали в двух параллельных подсекциях. Каждая из них провела по семь заседаний. Было заслушано 72 доклада, по которым состоялось свыше 150 выступлений. В среднем на каждой подсекции присутствовало по 50 советских и зарубежных ученых (из Финляндии, Венгрии, ГДР, ФРГ, Италии, Японии, США).

Тематика этнографических докладов была весьма разнообразной, поэтому мы вынуждены ограничиться упоминанием лишь основных проблем, которые в них рассматривались: прежде всего это вопросы этногенеза, этнической истории и этнокультурных взаимосвязей финно-угорских народов. Некоторые из них вызвали оживленную дискуссию. Так, в частности, при обсуждении доклада П. Вереша (ВНР) об этногенезе венгров ряд оппонентов указал автору на ошибки, произошедшие из-за недостаточного использования результатов исследований этой проблемы в СССР. Доклад Ш. Ф. Мухамедьярова (СССР) о периодизации этнокультурных контактов финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья вызвал критику из-за узости источниковедческой базы.

Истории контактов финно-угорских народов Советского Союза с их соседями были посвящены доклады многих советских участников, в частности В. И. Васильева «Ненецко-угорские взаимосвязи на севере Сибири», Е. А. Алексеенко «Этнокультурные связи туруханских кетов и селькупов», Н. А. Томилова «Этнические контакты угров и тюрков Западно-Сибирской равнины в XVI — начале XX в.», С. И. Дмитриевой «Этнокультурные связи русских и коми на Мезени и Ваське», А. С. Лузгина «Особенности русско-мордовских взаимосвязей в традиционной материальной культуре». Отражение этнической истории обских угров в их культуре рассматривалось советскими участниками конгресса Е. Г. Федоровой (о формировании материальной культуры манси) и Н. В. Лукиной (на данных по восточным хантам). Второй из них вызвал острую дискуссию. Докладчица выдвинула гипотезу об автохтонности обско-угорского оленеводческого комплекса, однако ее доказательства слушатели нашли недостаточными. В двух докладах — И. Балашша (ВНР) и З. П. Соколовой

(СССР) — рассматривались венгерские намогильные памятники в виде лодок и столбов-фейфов на венгерских христианских кладбищах. И. Балашша не сформулировал определенного мнения об их происхождении; З. П. Соколова же выдвинула интересную, на наш взгляд, гипотезу о связи этих надгробий с традициями, принесенными венграми с их прародин.

Современным этнокультурным процессам были посвящены доклады Л. С. Христюковой на удмуртском и Г. А. Сепеева на марийском материале (оба докладчика — СССР). В них анализировалось влияние урбанизации и межэтнических контактов на развитие современной культуры этих народов, была отмечена определенная устойчивость некоторых элементов традиционной культуры, а также рост национальной профессиональной культуры. В дискуссии прозвучала мысль о положительной роли растущих межэтнических контактов.

Доклад М. Рясянена (Финляндия) «От большинства к меньшинству» был основан на результатах этнографического изучения г. Каскё, где в прошлом население состояло из финляндских шведов и куда за последние 100 лет переселилось много финнов. Докладчик отметил развитие у шведоязычного населения города тенденции перехода к общефинским стандартам культуры.

В докладах двух финских ученых: К. Хейкинен «Формирование этнических символов в современных этнокультурных процессах» и П. Саллинен-Гимплъ «Изменение культурной идентификации на примере финляндских карел» — рассматривалось развитие самосознания этой этнографической группы населения Финляндии на разных исторических этапах, а также превращение некоторых элементов ее традиционной культуры в символы их этнической принадлежности.

Двум мало изученным группам венгерского населения Молдавии — чанго и шекели — был посвящен доклад Б. Гунды (ВНР), обосновавшего гипотезу их этнической связи с довенгерским населением Южного Прикарпатья. К докладом о национальных меньшинствах примыкал доклад Г. В. Старовойтовой (СССР) «Этнокультурное развитие эстонцев в Петербурге — Ленинграде».

В большой группе докладов рассматривалось хозяйство и материальная культура финно-угров.

На широком материале был построен доклад Т. Хофмана (ВНР) о земледелии финно-угорских народов. Анализ данных по всему их ареалу привел к весьма интересным результатам и общетеоретическим выводам о развитии техники земледелия, но, как подчеркнул докладчик, отнюдь не дал оснований говорить о культурном единстве народов этой языковой семьи. Доклады А. Палади-Ковача о традиции подкормки скота древесным кормом и Б. Андрашфальви о роли плодовых культур (оба — ВНР) были основаны на малоизвестных источниках и посвящены ранее не рассматривавшимся сторонам венгерского крестьянского хозяйства. Оба докладчика подчеркнули также то обстоятельство, что поместное землевладение во многом определило развитие крестьянского хозяйства и разрушало нормы общинных отношений в венгерской деревне.

Взаимосвязь экономики и общественного быта была обрисована В. Анттила (Финляндия) в докладе «Об организационном делении Финляндии». Докладчик показал, как особенности систем земледелия, форм землепользования и специфика расселения на западе и востоке страны привели к различиям в формах деревенских коллективов, нормах общественного быта и обычного права.

В ряде докладов рассматривалась история крестьянских поселений, дворов, жилищ. М.-Л. Хейкинмяки (Финляндия) говорила о степени сохранности традиционного жилища в Похьянмаа, способах его благоустройства, функциональном использовании помещений, в частности вновь проявляющейся тенденции сосредоточить всю жизнь (кроме ночного отдыха) в одном помещении. Весьма интересен был доклад Б. Бодо (ВНР), основанный на материалах проведенной им инвентаризации движимости в современных венгерских сельских дворах, как у крестьян, так и у сельских жителей, работающих уже в другой сфере. Изученные им данные отразили продолжающуюся урбанизацию сельского быта; докладчик особо подчеркнул, что подобные «инвентари» послужат ценным источником для будущих поколений этнографов.

Стоит отметить, что в некоторых докладах о развитии поселений и построек обнаружилось определенное расхождение точек зрения ученых. Так, В. Ф. Вавилин (СССР) отметил, что в трех географо-экономических подобластях Мордовии наблюдаются заметные различия в этих комплексах материальной культуры, в то время как внутри подобластей поселения и жилища однородны в мордовских, русских и татарских деревнях. С другой стороны, В. П. Орфинский и П. П. Медведев (оба — СССР)

в своих докладах пришли к выводу, что, несмотря на многовековое чересполосное расселение карел, вепсов и русских на северо-западе СССР, все они сохранили этническую специфику как в форме поселений, так и в жилище. В данном случае, нет, правда, еще оснований говорить о различных путях развития этих элементов культуры у населения Карелии и Мордовской АССР, так как, во-первых, докладчики пользовались разной методикой сбора и обработки полевых материалов, а во-вторых — несомненна и некоторая субъективность их выводов.

Доклад Т. Корхонена (Финляндия) был посвящен кожаным ручным приспособлениям для переноса тяжестей (кошелям, сумкам, ранцам) и Л. Кеси-Ковача (ВНР) — способом конской запряжки. Высказанное последним мнение о том, что конская дуга была изобретением прибалтийских финнов, вызвало возражения: А. Вийрес (СССР) привел убедительные аргументы в пользу возникновения запряжки с дугой на территории Поднепровья.

Единственный доклад о пище Э. Кишбан (ВНР), хорошо обоснованный разнообразными источниками, содержал материалы о народной венгерской кухне со времен средневековья.

Меньше, чем на прошлых конгрессах финно-угроведов обсуждались вопросы народной одежды. Ей было посвящено лишь два доклада. Я. Кодолани (ВНР) рассказывал об истории развития нательной одежды у обских угров и С. Сихво (Финляндия) — о традиционной одежде финнов Карельского перешейка (*савакот* и *эврмейсет*).

В большем числе докладов рассматривались проблемы украшений одежды и художественных текстильных изделий. И. Лехтинен (Финляндия), анализируя декоративные элементы одежды марийских женщин, выразила предположение, что в прошлом они были одинаковы у всех групп марийцев и формирование локальных отличий относится лишь к концу прошлого века. М. Пихо (СССР) проследила изменение форм и комплектов металлических украшений у сету (юго-восточной этнографической группы эстонцев), начиная с археологических находок и вплоть до изделий современных мастеров. Художественному ткачеству удмуртов и его использованию в наши дни был посвящен доклад К. М. Климова (СССР). Г. Н. Климова (СССР) сделала попытку проследить развитие некоторых форм геометрического орнамента, характерного для народов Волжско-Уральского региона, начиная с древнейших времен. Э. Вундер (СССР) детально рассмотрела изменения в художественных текстильных изделиях эстонцев за последние 100 лет, обратив особое внимание на их современное производство. И. Палл (ВНР) показал, что изображения людей и животных в прошлом играли в народном зодчестве роль оберега, что подтверждается и фольклором.

К. Чиллери (ВНР) в докладе «Ранние исторические пласты в венгерском народном искусстве» остановилась на проблемах возникновения художественного ткачества, вышивки, гончарства и т. д. Доклад Г. Н. Романовой (СССР) был посвящен ремеслу коми, его локальной специфике и роли контактов с соседними народами на разных исторических этапах.

Небольшая группа докладов была посвящена семье и семейной обрядности. По этим вопросам выступили только советские делегаты. Удмуртская семья, ее формы, структура и численность характеризовались в докладе М. В. Гришкиной (на данных XVII—XIX вв.). В. В. Соловьев дал аналогичный анализ семьи коми-ижемцев в XVIII—XIX вв. Оба докладчика значительное место уделили степени распространенности и функционированию большой семьи. Л. В. Хомич характеризовала некоторые стороны развития семьи у ненцев за годы советской власти. На современных материалах были построены доклады Т. П. Федянович «Взаимовлияния в свадебной обрядности (мордва, удмурты, русские Среднего Поволжья)» и Ю. Ю. Сурхаско «Традиция в семейных обрядах карел КАСР».

Календарные и трудовые обряды рассматривались в докладах А. П. Конкки (СССР) «Элементы древней религиозно-мифологической структуры в календарной обрядности карел», Н. С. Поповой (СССР) «Формирование и развитие новой календарно-трудовой праздничной обрядности у марийцев», Л. Хилпинен (Финляндия) — «Инициационные обряды промышленных рабочих Финляндии».

Одно из заседаний было посвящено этнографии саамов. В докладе А. Лёёва (Норвегия) «Южные лопари в 1750—1850 гг.» рассматривались вопросы их расселения и демографии; Т. В. Лукьянченко (СССР) на основе переписей показала, что саамы в СССР обладают устойчивым самосознанием и, несмотря на миграционные процессы, смешанные браки и т. д. численность их стабильна. С. Айкио (Финляндия) в док-

ладе «Саамская история — этническая история или история национальности?» ставил вопрос о праве употребления для таких меньшинств, как саамы, термина не этнический, а национальный, как более широкий и точный. М. Линкола (Финляндия), констатируя факт более ранних и тесных саамско-финских контактов, чем у саамов со шведами и норвежцами, обосновал это, во-первых, определенной языковой близостью саамов и финнов, во-вторых, распространением среди финнов оленеводства: именно среди оленеводов часты национально-смешанные браки. Л. Сааресало (Финляндия) на примере одного из саамских поселений (общины Утьсьйоки) показал постепенное превращение зимнего саамского стойбища в обычную, пользуясь его термином, фермерскую деревню. М. Юннوناхо (Финляндия) доказывал устойчивость у лопарей веры в гномов.

Особую группу представляли источниковедческие доклады. Часть из них была посвящена старым источникам по этнографии финно-угорских народов. Так, М. Менгер (ГДР) проанализировал этнографические материалы в книге Фридриха Рюса «Финляндия и ее обитатели» (1909 г.); Я. Гуйя (ВНР) предложил реабилитировать «Этимологический словарь И. Э. Фишера», который, несмотря на свои недостатки, имеет то преимущество, что в нем использованы оригинальные материалы. Д. Джено (Италия) рассмотрел значимость этнографических материалов по финно-угорским народам, собранных Стефаном Сомие в XIX в. во время его путешествия по России. Ю. Линнус (СССР) дал обзор всех имеющихся в нашем распоряжении источников по этнографии ливов, которые должны послужить основой для обобщающей работы по этому народу. Б. Н. Морозов (СССР) наглядно показал, сколь разнообразны этнографические сведения содержат частные архивы XVII в. по Коми краю.

Несколько особняком стоял доклад У. Беретки (ВНР) «Связи представителей финского и эстонского национального движения и их отношение к венграм», основанный на переписке Ирве-Коскинена и П. Хунфальви. Автор в своих построениях оторвался от основных социально-экономических факторов, определявших развитие во второй половине XIX в. национального движения в Финляндии и Эстонии, и свел его просто к культурному движению. В связи с этим в ходе дискуссии ему были сделаны аргументированные возражения.

В заключение следует сказать, что этнографы приняли участие также в работе фольклорной секции¹. В частности, по народным верованиям выступили в ней два советских этнографа — В. Е. Владыкин с докладом «Общее и особенное в системе язычества удмуртов» и Г. Н. Грачева — «Ранняя форма осознания природных связей (из этнографии нганасан)». Трое советских этнографов выступили на фольклорной секции с докладами по народной медицине (А. Вейдеманн «Стабильность древних представлений о происхождении болезней в эстонской народной медицине», А. Н. Давыдов и П. И. Сидоров «К этнопсихиатрии финно-угров и северных русских в конце XIX — начале XX в.», В. И. Ильина «Баня в народной медицине»). Два доклада были прочитаны советскими этнографами на подсекции музыкального фольклора: М. Я. Жорницкой — «Состояние и задачи изучения народного хореографического искусства финно-угорских народов СССР» и И. В. Тынуриста — «Пастушеские музыкальные инструменты финно-угорских народов».

Характер международных финно-угорских конгрессов: их массовость, привлечение к участию в них большого числа молодежи, каждый раз очень широко формулируемая основная тема конгресса — все это приводит к большому разнообразию тематики докладов и иногда ощущается некоторая ее распыленность. Однако это позволяет (и это является их положительной чертой) выявить не только основные направления в изучении финно-угорских народов в разных странах, но показать также и его «боковые» линии и особенности методов, особенно при изучении современного быта, продемонстрировать плодотворность использования тех или иных исторических источников, новизну получаемых таким образом данных. Это имеет неоспоримую важность для развития науки, как и то обстоятельство, что массовость этих конгрессов способствует улучшению международных научных контактов.

В заключение следует отметить прекрасную организацию VI Международного конгресса финно-угроведов, выразить еще раз признательность организаторам в столице республики Коми.

А. А. Зубов, Н. В. Шлыгина

¹ Подробный отчет о работе секции фольклора см. Keel ja kirjandus, 1985, № 11, lk. 695—699.